

Театральный разъезд

Сказание об актрисе МОСКОВСКОЙ

Беседа с Верой Васильевой

- Фаина Георгиевна, почему вы так часто переходили из одного театра в другой?
- Искала настоящее искусство.
- Нашли?
- Да.
- Где?
- В Третьяковской галерее!

Из интервью Ф.Г. Раневской

Галина Смоленская: *Вера Кузьминична, первый раз говорю с актрисой, играющей на одной сцене шестьдесят лет!*

Вера Васильева: Да, действительно, люди работают в театре, но они уже не играют чаще всего в таком... серьезном возрасте. Не дают ролей или нет подходящих. Поэтому я, конечно, – редкий случай. (*Смеется.*) И приятно это очень, потому что я люблю свой театр, и шестьдесят два года пролетели как один день...

Сцена из спектакля
Московского театра Сатиры
«Ревизор» Н.В. Гоголя. Анна
Андреевна – В. Васильева,
Городничий – А. Папанов. 1972

Г.С.: Каково это, прожить всю жизнь в одном театре?

В.В.: А почему не в одном? Вот этого я не могу понять! Характер у меня очень робкий – это раз. Верный – два. Терпеливый – три. И я бы никогда не рискнула сама бросить все, поменять... Может быть, если бы меня кто-нибудь переманивал и предлагал что-то очень заманчивое в смысле творчества... Но меня никто не переманивал. Я в прекрасном коллективе, среди чудесных людей. Не всегда у меня те роли, о которых мечтала, но все-таки роли... понимаете? Так что, хоть это и удивительно, но, по-моему, это хорошо – всю жизнь в одном театре. Мне нравится! Это так же, как если бы вы жили, любили своего мужа, прожили с ним всю жизнь, и даже на старости лет чувствуете, что хорошо с ним живете, понимаете друг друга. Вот так и я с моим театром!

Г.С.: И с мужем ведь тоже, кажется?

В.В.: Ну да, и с мужем, действительно! Главное, мне нра-

вятся люди, атмосфера, мне кажется, у нас вполне приличная или даже хорошая. Я ведь очень редко влезая в жизнь, поэтому мало знаю, а когда мало знаешь, то все кажется хорошим. Я вижу спектакли; если репетирую – счастлива, если не репетирую – надеюсь, жду...

Г.С.: А много лет подряд играть одну роль? Вы ведь в «Женитьбе Фигаро» графиню играли лет двадцать, а Анну Андреевну в «Ревизоре» – пятнадцать, кажется?

В.В.: Прекрасно! Замечательно! Вы знаете, когда играешь одну роль по многу лет, то такое ощущение, что вот, допустим, я начала играть графиню, мне было тридцать с чем-то, прошло двадцать лет, а я себя такой же в точности и чувствую! Главное, что и костюм все так же годится! Ну, наверно, я меняюсь, но все-таки внутренне – та же! У меня всегда впечатление, что роли очень молодят. Если играешь героиню моложе

Графиня из спектакля «Безумный день, или Женитьба Фигаро» Бомарше. 1969

Народная артистка СССР, лауреат государственных премий СССР Вера Васильева

себя, это, естественно, молодит. Я не знаю, я еще не играла совсем старых, может, они бы меня старили... А еще, знаете, как говорила французская актриса кино Николь Курсель, «борьба не старит, старят компромиссы!»

И потом мы же часто импровизируем на сцене, все по-живому идет, характеры только остаются. Какая-то основа есть, канва, а на ней узоры можно рисовать. И когда партнер чуткий, то это большое удовольствие. Вот я чуть-чуть другая – сегодня более сердитая, завтра более капризная, более затаенная. И все это не планируется, а происходит внезапно. После спектакля думаешь: а что, она и такая может быть, моя героиня. Поэтому скучно не было никогда, ни в одной роли, которую я иг-

рала подолгу. Наоборот – очень тяжело расстанусь с ролями, как будто ребенок, которого вырастила, и он куда-то уезжает навеки...

Г.С.: В 1987 году вы выступили в новой для себя роли – стали автором книги «Продолжение души. Монолог актрисы». Начинается она так:

«Вдруг, совершенно неожиданно для себя самой я поняла, что жизнь прошла... Мне исполнилось шестьдесят, а моя профессия – актриса. Я хочу играть, хочу на сцене любить, страдать, быть любимой, брошенной, быть дерзкой, быть счастливой. Я хочу, я страстно, одержимо все еще хочу играть... Но не уйдешь от того, что большинство ролей, большинство чувств ушли от меня, я буду их видеть только у других и с болью осознавать, что я в своей

жизни что-то не досказала, что во мне кричат погребенные за семью замками чувства и мысли...

Я чувствую тихое, спокойное одиночество. Никто не делает мне ничего плохого, просто все несутся куда-то со своими страстями, желаниями, обидами... Сердце плачет... Даже нет желания пожаловаться, поделиться... Я одна».

Вера Кузьминична, что за горькая исповедь?! Ведь вас воспринимают все...

В.В. (перебивает): Как счастливого человека? Да, я вас понимаю. Но я это писала тогда в полном ощущении, что больше ничего хорошего в моей жизни не будет, и мне было безумно печально, безумно! И то, что я стала писать, для меня это было облегчением. Я свои записи даже не перечитывала. Я вообще к этому относилась непрофессионально совершенно, не задумываясь, правильно ли я фразу строю... Как будто говорила сама с собой или с человеком, который меня очень понимает, просто как душа просила, так и писала.

Я, понимаете, неактивный человек все-таки! Не могу, не в моем характере к кому-то пойти и сказать: «Дайте мне сыграть!» Я просто думала: «Ну что ж делать, значит, не судьба». Но все равно ждала... Может быть, какой-то случайности, знаете, как будто птенец такой, вот мимо него летит птица сильная, вдруг – раз и говорит: «Давай я тебя подхватю!» – «Ну подхвати!» И полетели вместе. Но, в общем, попыток что-то изменить у меня не было никогда.

Г.С.: Как считаете, это правильно было или нет?

В.В.: Я считаю, правильно! Верю, что мой ангел-хранитель за мое кроткое отношение к жизни мне помогает. Иногда думаю – начну стараться, а он скажет: «Что-то ты, Верочка, стала совсем другая, ты ведь не такая!» Ха! И отвернется. И улетит. Вот видите, какие смешные бывают чувства у взрослого человека.

Г.С.: А сейчас, если писать ваш монолог «двадцать лет спустя»?

В.В.: Да ведь у меня уже третье переиздание, и там, кстати, нет этого грустного вступления, которое вас так огорчило. Появились новые роли, неожиданно началась новая жизнь, и это уже не минор – это мажор! В финале спектакля, в котором я сегодня играю, «Странная миссис Сэвидж» Джона Патрика, в сумасшедшем доме моей героине говорят: «Вы можете идти», а она отвечает: «Я не знаю, может быть, я сошла с ума, но мне не хочется уходить отсюда!» И я, когда писала концовку к своей книге, закончила ее словами: «Вот я все рассказала, и чувствую, что мне не хочется уходить отсюда – из этой книги, из этой жизни». Вот так вот!

Г.С.: А театр Сатиры сильно поменялся за эти годы?

В.В.: Конечно. Во-первых, нет уже очень многих актеров... Папанов, Миронов, Менглет, Спартак Мишулин, Роман Ткачук – это огромные потери! Иметь пять таких великолепных артистов, на

Странная миссис Сэвидж

которых можно строить весь репертуар, и все они ушли... Пережил это театр очень тяжело. Все мы понимаем, что обезглавлены. Даже сейчас, если думать о каком-то по-настоящему глубоком произведении... Молодежь, конечно, чудесная, но они не могут еще так чувствовать, и мастерство им еще надо накапливать, чтобы они на свои плечи смогли взять репертуар. Спектакль можно, конечно, выпустить, но ведь никто же не пойдет! Пойдут

◀ В главной роли в комедии Джона Патрика «Странная миссис Сэвидж». Театр кукол имени С.В. Образцова. 2006

Бенефис Веры Васильевой на сцене театра Сатиры. В роли Эстер в пьесе Жана Кокто «Священные чудовища». 1996

сегодня только если это скандал, а если просто искусство, то никто не ходит на незнакомые имена... У нас нет таких молодых актеров, которые бы привлекали публику, как Женя Миронов, или Чулпан Хаматова, или Хабенский, – таких имен у нас нет.

Г.С.: А помните главный парадокс театра Сатиры в советские времена? Публика его обожала, билеты были валютой, ими взятки давали нужным людям, а критики и академические театры посматривали снисходительно и как-то свысока.

В.В.: При Плучеке к нам относились еще не так пренебрежительно, как сейчас. Сейчас вообще относятся, как будто этого театра нет. Я имею в виду пишущую братию и считаю, что это очень несправедливо. Я чувствую, что их интересует то ли модерн теперешний, то ли скандалы, ну, в общем, что-то совсем другое. Не знаю, не очень понимаю, в чем прелесть таких спектаклей, я, наверное, человек очень старомодный. Люблю театр психологический. Комедия, драма, что угодно, но чтобы это был рассказ о Человеке. Так что я считаю, к нашему театру отношение незаслуженное. Но что делать, мы боремся за зрителя, и когда зал бывает полон, то про себя думаем: «Ну не пишут, и не

надо!» А публика, которая хорошо принимает, – это дорогого стоит.

Г.С.: Стиль спектаклей «Сатиры» тех времен – это эзопов язык, зал ловил каждое слово, готовый взорваться хохотом и аплодисментами...

В.В.: Конечно, время теперь совсем другое. Раньше театр был глотком свободы. Текст, казалось бы, совсем другой, но говорили и слышали то, о чем болит душа. А сейчас – говори ради бога! Но то ли душа больше не болит, то ли души нет вовсе, все получается как-то «развлекательно».

У меня есть роли в том русле, как я люблю, я имею в виду спектакли, которые играю «на стороне»: «Странная миссис Сэвидж» в театре Образцова и спектакль «Однажды в Париже», который поставил Юра Васильев, он идет в театре «Модернъ». Спектакль очень стремительный и в то же время подробный, он мчится по чувствам, по зигзагам психологии, но мчится он останавливаясь, а значит, все это проживается на сцене, и в зрительном зале, по-моему, тоже... Это малая сцена, там всего сто двадцать мест, и можно видеть буквально каждый вздох, каждую ресничку. Я очень люблю, когда хорошо играют и когда есть что иг-

рать. Люблю малые сцены. Этот спектакль, он такой трогательный и смешной, но больше все же трогательный, многие плачут. Приходите!

Г.С.: В «Сатире» играет и ваша сокурсница Ольга Александровна Аросева. Вы ведь учились вместе? Вы вместе вообще всю жизнь?

В.В.: Да, да! Ну конечно! Она только чуть меньше служит в нашем театре, потому что начинала у Акимова (Ленинградский театр комедии), но, наверное, лет пятьдесят работает, а может, даже пятьдесят пять. Она всегда была очень талантливой, очень обаятельной, жизнелюбивой, остроумной, такой и остается, как в училище, заводная, крепкая, сильная, страстно любящая театр и успех у зрителя. Умеет дружить, по-моему, но не могу сказать, что мы близки, что называется не разлей вода. Мы как бы доброжелательно спокойны, вот я бы так сказала. Мы антиподы, она и я, как люди. И по ролям

Однокашницы. С Ольгой Аросевой

очень разные, поэтому не конкурируем ни на сцене, ни в жизни.

Ольга Александровна любит брать власть в свои руки, любит сказать: «Это отвратительно!» А я сижу себе тихо. Внутренне мне что-то может не понравиться, но тогда я говорю: «Может быть, это не мой мир, не то, что волнует меня, поэтому я могу ошибаться...» Но всегда в очень деликатной форме. Врать, что это хорошо, не могу, но и ругать резко тоже не могу. Почти всегда говорю: «Наверно, я чего-то недопонимаю».

И сегодня, прожив столько лет в нашем театре, войдя в круг его старшего поколения, я совсем не ощущаю себя маститой. Я не представляю, что от моего предложения может что-то измениться, что с моим мнением кто-либо посчитается. Одиночество свое собственное и каждого из нас я с великой печалью ощущаю.

(Из книги «Продолжение души. Монолог актрисы»)

Г.С.: Как же так, прожить с людьми всю жизнь и сказать: никто со мной не считается?

В.В.: Ну, подумайте, господа! Не все ли равно! Не то чтобы даже все равно, конечно, нет! Но значит, так должно быть. Вот меня часто спрашивают: «Почему вы не хотите преподавать»? А я очень стесняюсь подсказывать... Думаю, а вдруг я собью человека. Не могу делать замечаний... Могу только «восторгнуться», если что-то очень нравится.

◀ В роли Мадлены Бежар в спектакле театра Сатиры «Мольер (“Кабала святош”)» М.А. Булгакова. 2009

Сцена из спектакля театра Сатиры «Свадьба с приданым». 1950

Тогда мне не страшно и не стыдно сказать, что это очень здорово. А когда плохо, чаще молчу. Потому что понимаю, что это такое для актера, который выходит на сцену, услышать: «Ты плохо играешь» или «Ты не подходишь».

Г.С.: Вы необыкновенный человек!

В.В.: Почему?

Г.С.: Очень хороший!

В.В.: Да бог с вами! Кто его знает, просто с таким характером родилась. На вопрос: «А вы советуете жить так, как вы живете?» я отвечаю: «Я не могу советовать, как я могу сказать человеку энергичному, который хочет что-то изменить в своей жизни: “Не надо ничего! Хотя, готовь себя, но пусть будет, как решит судьба!”». Так можно, если мне кто-то поверит, и судьбу поломать. Да никто и не поверит, что так надо... Конечно, иногда бывает немножечко обидно, что мои лучшие роли в театре никто не видел – нет интереса друг к другу, понимаете? Много хороших ролей, даже, может быть, лучших, но о них никто никогда не узнает, к сожалению, они не сняты для телевидения, и это грустно!

Г.С.: У всей страны остался образ вашей героини из «Свадьбы с приданым» – вбежав с мороза, прижалась щекой к печке, на плечах белый пуховый платок... такая нежность во всем облике забываемая!

В.В.: Да, это очень хорошо было! Как хорошо, что вы заметили, это ведь подсказал Борис Равенских. Потому что он так чувствовал роль, деревню! Помню, он говорил: «Пусть у нее будет такой белый свитерочек, такая юбочка, белый полушубочек, валеночки, и чтобы она прижалась бы!» И я это делала с удовольствием, как хорошо, что вы это заметили, потому что это настолько точно, в этом есть и деревня, и какой-то морозец, и вообще все в этом спектакле было замечательно!

Г.С.: В своей книге вы рассказываете о многих известных артистах, с которыми вас свела судьба. Великий Эраст Павлович Гарин, например...

В.В.: Гарин – чудесный актер! В жизни абсолютно беспомощный, бессребреник, не борец, какой-то отступающий и уступающий, но принципиальный – творческих позиций никогда не сдавал. Очень любил Мейерхольда, хотя однажды я прочла в его письмах к жене Хесе Александровне Локшиной: «Опять этот Мейерхольд чего-то выкаблучивается». Но это нюансы, а так он ему всегда верил. Гарин был человек сказочной доброты, такой чудак-романтик. Мы бывали у него дома, комната как у солдата, очень аскетическая, простая железная кровать, покрытая серым сукном. А у Хеси – роскошный будуар, французские духи, кружевные ночные рубашечки. Вся такая изнеженная, благоухающая, а он ей кричал: «Хеська, собака, дай что-нибудь поесть!» Это было очень колоритно. Люди они были добрые необычайно, к нам относились как к птенцам, приносили на репетицию огромный термос, бутерброды, чтоб мы ели, пили. Гарин – исключительного обаяния человек. И очень непрактичный, сейчас, мне кажется, бомжем был бы! Потому что не боец, и мне он этим очень нравился!

Г.С.: Вы играли вместе с Татьяной Ивановной Пельтцер...

В.В.: Хм... Пельтцер... Мне всегда казалось, что Татьяна Ивановна очень похожа на Ольгу Аросеву, они одной, что ли, группы крови, так ведь говорят? Обе самостоятельные, дерзкие, сильные, палец в рот не кладут. Пельтцер могла послать кого угодно, могла выпить как следует. Но она при этом очень хорошая актриса. А Плучек равнодушно к ней относился, у нее не было с ним такого творческого романа, как с Марком Захаровым – это и спектакль «Пронись и пой», где она прелестно сыграла, и «Мамаша Кураж» Бертольда Брехта. Пельтцер целиком была поглощена талантом Захарова. И когда они пос-

Спектакль театра Сатиры «Пролитая чаша» Ван Ши-фу. Цю – Т. Пельтцер, Ин-Ин – В. Васильева. 1952

что же ему не нравится? Иван Александрович берет чулки, комкает в два толстых узла. Подошел ко мне, как к предмету, сунул в мое декольте по чулку, в те места, где должна быть пышная грудь, которой у меня не было, затем отошел в сторону, внимательно посмотрел и сказал: «Ну теперь все в порядке, а то фигура тощая, лицо толстое – не поймешь ничего... Теперь можно снимать».

(Из книги «Продолжение души. Монолог актрисы»)

Г.С.: А что это за эпизод со Сталинской премией?

В.В.: Вот вы знаете, публика и журналисты ужасно любят цепляться, особенно если касается Сталина. В какой-то беседе, однаж-

сорились с Плучеком, а Захаров повторял: «Приходите ко мне всегда», она и ушла к нему в Ленком. По-моему, все закономерно. Она смелая женщина! А потом все-таки он ее звал, а когда человек зовет, он за это отвечает. Она понимала, что не будет сидеть там без ролей...

Г.С.: А о режиссерах... Давайте начнем с Пырьева, с вашей первой роли в фильме «Сказание о земле Сибирской». О нем ведь очень много разного говорят... для актрис он был человеком опасным...

В.В.: Он был разным. Кому-то он, как волшебник, создавал судьбы, а кому-то ломал. Он мог и погубить, и спасти. Он был безумных контрастов человек. Но невероятно талантливый.

Наутро, не спав всю ночь от волнения, нарядившись во все чужое, со взбитыми немислимыми кудрями я появилась на киностудии «Мосфильм». Меня привели к Пырьеву. Долго смотрел он на меня, не стараясь быть любезным, потом коротко предложил: «Давайте-ка расчешем ее как следует»... С ужасом увидела я в зеркале простейшее деревенское лицо с маленькими глазками. Не понравилась я себе ужасно! Снова пристальный взгляд Пырьева сквозь меня и короткий приказ: «Принесите два простых чулка». Я с ужасом смотрю на ноги, думаю,

ды, вот как мы с вами сейчас, я вспомнила, что в гримерной после окончания съемок «Сказания о земле Сибирской» актеры говорили: «Вот Верочка-то! Ведь никто ее не представлял к званию, а Сталин, когда посмотрел, сказал: “Какая прелесть!”». И сразу все документы были оформлены». А ведь действительно, предполагалось, что премия фильму будет дана, и документы у всех собирали, паспортные данные и т.п., а про меня и слова не было. И вдруг – дали! Так что какая-то доля правды в этом рассказе была, а мо-

жет быть, и вся правда. А может, и неправда, я так и не знаю, но история в народ пошла... из интервью в интервью. Так что опровергать не буду! Вообще-то на него похоже. Во-первых, Сталин, по моему, любил такой типаж – открытой русской девушки, простой, счастливой. Такое олицетворение советской мечты. Тем более что Марина Ладынина уже по возрасту чуть-чуть была взрослой для студентки консерватории. На ее фоне я более-менее выгодно отличалась своей непосредственностью, деревенскостью, что ли.

Г.С.: Следующий ваш режиссер – Борис Равенских. Больше чем режиссер?

В.В.: Ну о Равенских что говорить, я считаю, он гениален! Он гениальный во всем. И в том, как он ставил, как чувствовал жизнь, как умел подать женщину, подать любовь. Как он мог это воспевать, как он мог это в нас воспитывать, и мы всегда верили, что это его религия, – вот такое отношение. Что если существует любовь, то это любовь глубокая, чистая, верная, такая, когда человек может пойти на смерть ради любви. Вот он такой, каких нет! Он такой, о каких можно только мечтать! Хотя как характер жизненный он был, наверное, очень неудобен для людей, которые с ним вместе жили. Потому что он по ночам не спал, он никогда в жизни вовремя не приходил на репетицию, никогда не отпускал ни на какие перемены. Рабочие умоляли, чтобы он и актеры ушли со сцены, потому что надо было ставить декорации к спектаклю, а он никак не мог закончить репетицию. Причем настолько все увлечены были, что от него не отходили. Влюбленные, хохочущие, любящие. Я большего обаяния в своей жизни не видела ни у кого. Поэтому, мне кажется, он был такой всемогущий! И то, что он поставил, – «Власть тьмы» в Малом театре и нашу «Свадьбу с приданым», – вошло в историю русского театра! А наш спектакль до сих пор любим, каждый актер играл прелестно, хотя это не были самые первые артисты, кроме Доронина и Пельтцер, но все играли великолепно. Относился он ко мне очень хорошо... Ну, «хорошо» это скучное слово, сложно говорить.

Расстаться после репетиции для Бориса Ивановича было невыносимо трудно, и мы все ходили дружной стайкой, но однажды он проводил меня домой, на Чистые пруды... Прощаясь с ним у ворот, отдавая лицо свое его любящим рукам, я впервые в жизни почувствовала, что такое смотреть глаза в глаза, что такое ласковая рука на моей щеке, что такое властные любящие губы... В театре вскоре все заметили, что что-то произошло. Я, очевидно, излучала, как радиацию, счастье женщины, которую любят... Окутанная, опутанная его любовью, я, как тайна, влекла других...

(Из книги «Продолжение души. Монолог актрисы»)

Дебют В. Васильевой на сцене театра Сатиры состоялся в 1948 г. в роли Лизоньки в спектакле «Лев Гурыч Синичкин» Д.Т. Ленского

Г.С.: А Валентин Николаевич Плучек?

В.В.: Плучек – талантливый, я сейчас много о нем говорю в связи с его столетием. Он сделал наш театр. Ко мне он относился равнодушно, в лучшем случае. Или совсем никак. Так что жизнь моя была немножечко грустна при нем, я была на обочине. Спектакли, которые он ставил, знаменитые и хорошие, в них я не участвовала. Я только видела этот успех... Плучек – ученик Мейерхольда, как и Борис Иванович Равенских, но они очень разные. Борис Иванович для меня – мощного духовного заряда человек, который умел построить мизансцены, музыку, оформление спектакля очень мощно выбрать. Валентин Николаевич тоже этим обладал, но главная его сила была в фантазии, в том, чтобы сменой ритмов, сменой действия сшибать что-то привычное. Он был такой немножко хулиганистый. Мне даже кажется, что он предвещил то, что потом пришло в наш театр, – абсолютно авангардное искусство. Потому что спектакль «Клоп» Маяковского больше со-

На сцене блистательные актеры театра Сатиры: В. Васильева, Т. Васильева, А. Папанов, А. Миронов. Спектакль «Ревизор». 1972

ответствовал не психологическому, а мейерхольдовскому театру. Это было абсолютно новое искусство.

Я не годилась для него как актриса – я была мягкая, чувствительная, а там надо было играть плакатно, остро, быстро, и поэтому выпала из сферы его творческого внимания. Мне давали роли, но это были спектакли с небольшими режиссерами или с актерами, которые пытались найти себя в режиссуре. Так что я не могу похвастаться, что много с ним работала, но я видела все, что он ставил. Был роскошный спектакль Назыма Хикмета «Дамоклов меч», где все говорили и чувствовали очень по-новому, в те времена считали – «по-западному». Это была не психологическая, эмоциональная, русская актерская школа, а это была сдержанность, безинтонационность, но внутри – огромный заряд эмоциональный, умственный. Потрясающе играл Анатолий Папанов, уже там он себя показал драматическим артистом; он великолепно умел молчать на сцене – это великое искусство, и оно возможно только у больших артистов. Ге-

роиню чудесно играла Зоя Зелинская, и, кстати, впервые в нашем советском театре на сцене «Сатиры» появилась женщина в купальнике. В то время это было очень смело. В туфлях на высоком каблучке, с очень стройными ногами – это производило сильнейшее впечатление на публику.

Потом пришла Таня Васильева, она была очень любима Плучеком, и тринадцать лет он давал ей самые прекрасные роли, которые сделали из нее, по-моему, превосходную актрису, хотя она от природы была награждена талантом большим и очень эксцентричным, трагическим, комедийным, она очень разнообразная актриса.

У нас была масса интересных спектаклей, в театре возникла дружеская аура, которая была связана и с поэзией – Евтушенко, Вознесенский, Белла Ахмадулина были в орбите нашего театра. Приезжала Эльза Триоле; из-за того, что у Валентина Николаевича в родственниках был Питер Брук, его знакомства были уже европейские. Он вообще обладал, по-моему, амбициями великого режиссера. Он о себе понимал, что он очень талантлив, очень дерзок, – и это не значит, что он хвастался, но он себе знал цену и вел себя соответственно.

Хотя у нас снимали, запрящали много спектаклей, а это обычно людей «подсекает», надламывает, он оставался бойцом и был всегда в хорошем настроении, не унылый, не запуганный, а какой-то такой – вот дали ему по носу, а он пойдет опять в бой. Вот такой был человек.

Моя жизнь с ним складывалась трудно, потому что я не была предметом его заботы или предметом его творческого увлечения. Достались мне две роскошные роли за нашу сорокалетнюю совместную жизнь – графиня в «Женитьбе Фигаро» и Анна Андреевна в «Ревизоре». Мне кажется, это была удача для меня, я была счастлива, когда это играла, и мне нравились оба спектакля, а «Фигаро» я просто считаю шедевром и после нашего «Фигаро» смотреть другие не могу! Не хочу!

Плучек создал Андрея Миронова, он ему подбирал репертуар от роли к роли все разнообраз-

нее и глубже. Андрей становился и драматическим актером, и трагедийным. Живи он сегодня, он стал бы уже звездой мирового класса, потому что был очень талантлив. И очень трудолюбив. Кроме того, он был, мне кажется, соавтором тех спектаклей, которые ставил Плучек. Потому что очень чувствовал современность. И хотя он не был политически активным, но через роли говорил о свободе, о презрении к любому лизоблюдству. У него был совершенно потрясающий Жа-

«Ну, наверно, я меняюсь, но все-таки внутренне – та же!»

дов, да он все играл прекрасно, и Лопухина, и Дон Жуана! Андрюша – это чудо нашего театра.

Так что театр наш при Плучеке очень высоко стоял. Когда мы потеряли Миронова и Папанова, еще при жизни Валентина Николаевича, это был удар страшнейший, после которого люди просто иногда не могут выкарабкаться, но Валентин Николаевич в свои восемьдесят или уже под девяносто поставил чудесный спектакль, где не было наших корифеев, это «Укрощение строптивой». Совершенно очаровательный спектакль!

Я сильно его хвалю, и это действительно дань тому, что он сделал. Но, повторяю, моя жизнь в театре была очень для меня печальной и трудной. Хотя мы никогда не выясняли отношения и ни о чем не говорили, я себе работала, играла то, что давали, и ни на что особенно не жаловалась.

«Вишневый сад» – спектакль Тверского драматического театра. Раневская – В. Васильева, Фирс – В. Рассказов. 1984

Г.С.: Может, он ждал, чтобы вы его попросили?

В.В.: Я однажды в жизни попросила роль Раневской в «Вишневом саде», когда ушла Таня Васильева и не было никого на замену. Он даже всерьез со мной не разговаривал. Он так шутливо сказал: «Ну, Вера, эту роль хочет и Нина Архипова, и Оля Аросева. Я лучше дам какой-нибудь молодой...» И все. Больше я никогда ни о чем не просила.

Г.С.: *Тактичный какой Валентин Николаевич! Хотя, впрочем, режиссеры не бывают тактичными.*

В.В.: Да, они бывают разными. И сумасшедшие, и злые, и бессердечные. И влюбленные рабски совершенно! Потому что если кто-то выполняет их замысел, они любят этого актера бесконечно! Валентин Николаевич не занимал меня, не давал мне ролей шесть лет! Но спасло меня то, что вдруг в это время моя мечта осуществилась: художественный руководитель Тверского областного академического театра драмы Вера Андреевна Ефремова пригласила меня на роль Ранев-

В главной роли в спектакле «Однажды в Париже» В. Аслановой на сцене театра «Модернъ». 2008

С Александром Шифвиндтом в спектакле «Мольер»

ской! Оказывается, приблизительно в то же время, что и у нас в «Сатире», в Твери шел «Вишневый сад». Я репетировала, вошла в спектакль и десять лет приезжала в Тверь на два спектакля в месяц, испытывая огромное счастье, и, пожалуй, самое большое счастье было в том, что я поверила – мои мечты были не беспочвенны! Я мечтала о серьезных ролях, и вот я поняла, что это мое дело. Я это ощущала и по тому, как спектакль принимали зрители и товарищи, которые играли со мной, и по тому, как я сама себя чувствовала.

Потом меня пригласил в Орел режиссер Голубицкий на роль Кручининой, которую я тоже играла двенадцать лет. И с тем и с другим спектаклем мы ездили и в Москву, и за границу. «Вишневый сад» возили в ФРГ, там роскошно нас приняли, потом в Греции тоже был большой успех.

Я сыграла «Воительницу» с режиссером Львовым-Анохиным, и эта работа покорила даже Плучека, он перевел спектакль с малой сцены, на которой он шел, на большую. Этот знак его расположения помог мне

*«Я очень благодарна своему мужу Владимиру Ушакову».
Золотая свадьба. 2005*

выйти на большую сцену с совершенно изумительной ролью.

Вот после этого вдруг пошли мне предложения на старости лет, но все роли роскошные!

О чем только может мечтать актриса: и «Священные чудовища» Жана Кокто в постановке Вилькина, и «Таланты и поклонники» Островского, где я играю Домну Пантелеевну, тоже, по моему, достаточно свежо, чудесный режиссер Морозов ставил. Атмосфера прекрасная, я очень люблю этот спектакль и очень ценю, что Островского мы не исказили, не сделали его совершенно современным, хотя в то же время все это современно, потому что гениально! И очень точно по характеру.

Так что жаловаться мне не на что, невозможно! Я могу только сказать: «За что такое счастье!?»

Г.С.: Наверное, за терпение?

В.В.: Да, наверное. Ведь в шестьдесят лет вообще не дают ролей! Ждать-то я ждала, или правильнее было бы сказать, уже даже и не ждала... Но жила! Не умерла! И счастлива, что играю, потому что старость сама по себе

очень печальное явление, а когда играешь роли, которые любишь, роли, в которые вкладываешь все, что понимаешь, то, чем именно дорог театр, а мои роли сегодня именно такие, то большего счастья

Леди Эвелина. Телеспектакль «Зимородок» по пьесе Уильяма Дугласа Хоума. 2004

представить невозможно! Я за это судьбу благодарю. Хотела бы я по-другому прожить? Нет! Такая свалилась на меня удивительная награда божеская, вот.

Как я живу? Мы теперь мало встречаемся. У меня отдельная гримуборная, отыгрываю спектакль, ухожу домой, не знаю никаких событий, не знаю интриг, не знаю ничего, я и раньше ничего этого не знала, но сейчас живу совсем просто – дом и сцена. И все! Я очень благодарна своему мужу Владимиру Ушакову, который посвятил свою жизнь тому, чтобы мне было как можно комфортнее отдаваться работе на сцене. В этом его редкостное бескорыстие. Но в творчестве мне не помогает никто, я одна-одинешенька, и то, что мне посылает судьба, это она посылает, а не чьи-то связи или хлопоты. Связей у меня нет. И не было никогда. Но жаловаться мне не на что, потому что я настолько вознаграждена сейчас.

Г.С.: *И последний вопрос: есть что-то главное, самое важное, чего я не спросила у вас?*

В.В.: А знаете что, мне кажется, в любой беседе есть некоторая внешняя сторона жизни, которую мы с легкостью рассказываем, а вот сокровенная сторона – может быть, ее и невозможно рассказать... Ее можно угадать... через роли, через некоторые интервью, через ваши вопросы и мои ответы, но это скорее талант собеседника. Сказать, вот спросите меня об этом и я полностью раскроюсь... я все равно могу не раскрыться, потому что самое сокровенное почти невозможно рассказать. Если это

сквозит в ролях, если это слышится в нашей беседе, если это можно найти в книге, то люди все равно индивидуальность почувствуют. Я не могу сказать, что у меня повальный успех, но у меня есть зрители, которые относятся ко мне, как к своему исповеднику, которому они верят. Мой разговор с ними проникнут душевным доверием, которое мне дороже всего. Это результат целой актерской судьбы. Если говорить о том, что главное, я бы ска-

зала – вот это главное! И почувствовать это можно через какие-то миги разбросанные, ведь актер – это его роли, лишь увидев на сцене, можно его угадать. Актера нужно почувствовать. Так что, думаю, даже если бы вы задали тот самый «главный» вопрос, я бы ответить не смогла, не смогла бы раскрыть душу, но она раскрывается везде – и в нашем разговоре, и в моей книге, и, главное, в моих ролях. Значит, она есть, душа!